

Розанна Бенаккьо
Падуанский университет
Департамент языковых и литературных исследований
(Италия, Падуя)
rosanna.benacchio@unipd.it

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПЕРФЕКТИВИРУЮЩЕГО СУФФИКСА NU- В РЕЗЬЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

В статье анализируется употребление перфективирующего суффикса *ni-* в резьянском диалекте, принадлежащем к группе сохранившихся словенских лингвистических островов, бытующих в Северо-Восточной Италии, на границе со Словенией. В последние годы появились разные работы по поводу суффикса *nu-* в русском (особенно разговорном) языке, которые подчеркивают его многослойную семантику, выражающую как семельфактивную, так и просто перфективирующую функцию. Подобная картина встречается и в резьянском диалекте, где суффикс *ni-* характеризуется сложной семантикой, выражающей как семельфактивное (см., например, *pjüwat / pjüwnut* ‘плевать / плюнуть’, *kapat / kăpnut* ‘капать / капнуть’), так и результативное значение, чаще всего в сочетании с префиксом *za-* (см., например, *garmět / zagyrmnut* ‘греметь / прогреметь’, *lajat / zalajnut* ‘лять / пролать’). Несмотря на это, в резьянском диалекте просто перфективирующая функция суффикса *ni-* не распространена так широко, как в русском языке, и его (исконная) семельфактивная функция более сохранна. Анализ еще раз подтверждает архаичный характер резьянского диалекта и его значение для реконструкции процесса грамматикализации славянского глагольного вида.

Ключевые слова: глагольный вид, семельфактивный способ действия, суффикс *ni-*, резьянский диалект, русский язык.

1. Постановка вопроса

Как известно, глагольный суффикс **nq-*, имеющий перфективирующую функцию, встречается уже в старославянском языке (где он появляется как *n̄-*) и засвидетельствован во всех современных славянских языках. Он является наследием праславянского, имеющим корни в индоевропейском языке [Schuyt 1990:

263–287]¹. Этот суффикс считается одной из главных морфем, участвующих в выражении категории славянского глагольного вида.

О суффиксе *пу-* (и вообще о семельфактивном значении) в русском языке в последние годы писали разные ученые [Зализняк, Шмелев 2000; Падучева 1996; Плуныян 2000; Dickey 2001; Dickey, Janda 2009; Makarova, Janda 2009; Nessel 2013; Sokolova 2015; Горбова 2016, и др.]. Все они подчеркивают сложную семантику данного суффикса, включающую как семельфактивную, так и просто перфективирующую функции. На эту особенность обращалось внимание и раньше [см.: Исаченко 1960; Мелиг 1994; Храковский 1989; 1998, и др.], однако на настоящем этапе исследований, основывающихся на материале [НКРЯ] и вообще на языковом материале интернета, все ярче проявляется присутствие в русском языке (особенного в разговорном стиле) последней, т. е. просто перфективирующей, функции. Это заставляет нас снова обратиться к изучению данного суффикса и еще раз тщательно проанализировать перечисленные выше исследования.

А. В. Исаченко в своей фундаментальной работе, все еще играющей ключевую роль в русской современной грамматической науке, детально анализирует «способы действия» (в его терминологии — «совершаемости»), в частности «однократную совершаемость». Прежде всего, он возражает авторам академической «Грамматики» 1960 г., которые приписывают *пу-*глаголам значение не только однократности, но и мгновенности. По его мнению, второе значение (точнее, оттенок значения) не является первичным: оно связано не с однократностью, выраженной *пу-*глаголом, а с индивидуальным лексическим значением самого глагола: «семантика однократных глаголов сама по себе не содержит указаний на “мгновенность” или “моментальность” действия» [Исаченко 1960: 253].

Подобным же образом Исаченко возражает также против «либерализма» тех, кто считает суффикс *пу-* просто морфологическим показателем совершенного вида (далее — СВ), наравне с префиксами. Он полностью разделяет мнение Ю. С. Маслова, считающего, что данный суффикс всегда связан с определенными способами действия, чаще всего — с семельфактивными, и что в процессе перфективации через *пу-* «не возникает форма, вполне тождественная исходной по своему лексическому значению» [Маслов 2004: 448].

Исаченко добавляет, что многофазисный характер действия может утрачиваться и образования на *пу-* могут выражать чистовидовое значение только в определенных случаях. Прежде всего это касается тех приставочных *пу-*глаголов, по поводу которых можно сказать, что в языке уже потерялось сознание деривационной связи с исходным глаголом. См., например, *вспыхнуть* / *вспыхивать* (в русском

¹ Как отмечает автор, этот суффикс с самого начала его появления (т. е. уже в старославянском языке) имел двойную функцию, образуя не только глаголы совершенного вида (мотивированные глаголами), но также (хотя в меньшей мере) и несовершенного вида (мотивированные прилагательными) [Schuyt 1990: 263]. Та же самая ситуация наблюдается и в современных славянских языках. О ситуации в русском языке см., например, [РГ 1980/1: 347–348]. Однако объектом нашего анализа будут только те глаголы, в которых данный суффикс имеет перфективирующую функцию.

языке нет больше глагола *ныхать*), *заснуть* / *засыпать* (нет больше бесприставочного глагола, соответствующего глаголу *заснуть*) [Исаченко 1960: 254].

Такой эффект слияния чистовидового и однократного значения может проявляться и у приставочных *ну*-глаголов. По утверждению Исаченко, однако, если детальнее рассмотреть семантику таких глаголов, то видно, что речь идет об омонимии исходных бессуффиксных глаголов, которые в определенных условиях могут выражать нерасчленимую семантику, а в других — расчленимую, многофазисную. В первом случае суффикс *ну*- образует просто коррелят СВ (т. е. несет чистовидовое значение), во втором он образует однократный способ действия. См., например, *зевать*₁ (производить один зевок) / *зевнуть*^{св рез} и *зевать*₂ (производить зевки) / *зевнуть*^{св сем}. См. также глаголы *прыгать* / *прыгнуть*, *плевать* / *плюнуть*, *глотать* / *глотнуть* и др. [Исаченко 1960: 255–257; см. также: Мелиг 1994: 598].

Исаченко выделяет еще один случай стирания однократного значения у приставочных *ну*-глаголов и замены его чистовидовым. Это случай глаголов типа *коснуться*, *тронуться* и т. д., характеризующихся тем, что соответствующие бесприставочные, имперфективные глаголы *касаться*, *трогаться* уже не представляются внутренне расчленимыми [Исаченко 1960: 257–258, сноска 1].

Несмотря на эти отдельные случаи первичной функцией суффикса *ну*- (у глаголов СВ) является именно выражение многократного способа действия (от многофазисных глаголов).

Другой интересный момент работы Исаченко, не потерявший свою актуальность, — это перечисление классов *ну*-глаголов, выражающих семельфактивное значение. Это прежде всего глаголы, обозначающие «конкретные действия человека или животного», типа *бодать* — *боднуть*, *зевать* — *зевнуть*, *клевать* — *клюнуть*, *хлестать* — *хлестнуть*, *чихать* — *чихнуть* и т. д. [Исаченко 1960: 258–259]. Другой класс — это глаголы, обозначающие «звуки или действия, сопровождаемые звуками», типа *гавкать* — *гавкнуть*, *квакать* — *квакнуть*, *мяукать* — *мяукнуть*, *кричать* — *крикнуть*, *хлопать* — *хлопнуть* и т. д. [Там же: 259–260]. Представлены также глаголы, обозначающие разные оптические эффекты, также воспринимаемые как расчленимые. Это, например, *блестеть* — *блеснуть*, *мелькать* — *мелькнуть* и т. д. Наконец, автор упоминает разные неологизмы, все чаще появляющиеся в разговорном языке, необязательно производные от многофазисных глаголов, имеющие шуточный оттенок, типа *хохотать* — *хохотнуть*, а также *агитировать* — *агитнуть*, *пасовать* (мяч) — *паснуть* и т. д. Как мы увидим далее, подобные замечания появляются и в [Nesset 2003].

В своем исследовании об итеративных конструкциях, проведенном в типологическом ракурсе, В. С. Храковский также связывает семельфактивы с определенным классом глаголов, т. е. с глаголами, которые он вслед за Масловым называет *мультипликативами*. Это неопределенные глаголы несовершенного вида (далее — НСВ), обозначающие серии регулярно повторяющихся «(микро)действий»², остающихся тождественными себе в течение всего периода их совершения и составляющих

² В другой, более поздней работе автор употребляет термин *кванты* [Храковский 1998: 487].

в совокупности прерывистый процесс. Автор уточняет также, что речь идет о глаголах, обозначающих «непосредственно воспринимаемые органами чувств человека конкретные физические действия или (непоступательные) движения» и что «многие из этих глаголов можно охарактеризовать как светоизобразительные или образные» [Храковский 1989: 25].

Подобным же образом Мелиг [1994: 598–599] связывает сингулятивы с мультипликативами (которые он рассматривает наравне с индивидуативами и континуативами относительно имен существительных) и не принимает «расширенного» определения семельфактивного значения.

В рамках такого традиционно сложившегося подхода, предпочитающего «узкое» определение русского семельфактива, В. Плунгян снова возвращается к проблеме чистовидового значения суффикса *ну-*, конкурирующего с «каноническим» семельфактивным значением. В одной работе, проведенной в типологическом ключе [Плунгян 2000], он тщательно анализирует разные возможные значения суффикса *ну-*, выделяя четыре класса *ну-*глаголов, а именно:

- «кванты» — это производные бесприставочные глаголы, см. *кашлянуть* (< *кашлять*), *шагнуть* (< *шагать*);

- «события» — это в основном непроизводные глаголы, в которых суффикс *ну-* является показателем мгновенности, см.: *звездануть*, *кокнуть*, *хлынуть*;

- «комплетивы» — это глаголы, производные от приставочных предельных глаголов НСВ, с которыми они образуют видовые пары. Иными словами, суффикс *ну-* является здесь просто морфологическим показателем СВ. Подтверждая мнение, выраженное в свое время А. В. Исаченко, Плунгян отмечает, что у этих глаголов стирание семельфактивной семантики произошло под влиянием приставок. См.: *придвинуть* / *придвигать*, *заснуть* / *засыпать*;

- «свертки» — это очень продуктивный в современном русском языке класс разговорных (и сленговых) глаголов, обозначающих «сокращенные» процессы. Функция суффикса *ну-* у этих глаголов — передать оттенок «ущербности», «второстепенности». См.: *гульнуть*, *курнуть*, *пугнуть*, *психануть*.

Анализ Плунгяна является исчерпывающим: хотя «настоящие» семельфактивы (кванты) трактуются отдельно, тем не менее выделяются и точно определяются и другие существующие в русском языке типы *ну-*глаголов, включая те, которые все больше распространяются в разговорном языке.

Следует также упомянуть работы, проведенные в когнитивной перспективе норвежской исследовательской группой CLEAR [Sokolova 2015; Makarova, Janda 2009, и др.]. В них суффикс *ну-* в русском современном, особенно нестандартном, языке считается маркирующим аспектуальным элементом квазиуниверсального характера (*a near-universal aspectual marker*). Среди этих исследований особенно интересна, с нашей точки зрения, работа [Nesset 2013], выполненная в диахроническом ключе, в которой излагается история развития семельфактивного способа действия в русском языке (начиная со старославянского). Семельфактивность анализируется как радиальная категория, организованная вокруг прототипического значения (прототипа), который составляют четыре свойства: 1) нерасчлененность

(*uniformity*), 2) моментальность (*instantaneousness*), 3) нерезультативность (*non-rezultativity*), 4) семейфактивность (*single occurrence*).

По данным, собранным автором, семейфактивное значение у *ну*-глаголов распространилось в таком порядке: сначала (XI в.) оно появляется у глаголов, выражающих телесное движение (*Bodily acts, mouth- and hand-based*), потом (XII в.) — у глаголов, обозначающих акустические действия (*Auditory verbs*), вслед за этим (XIII в.) — оптические явления (*Optical verbs*)³. Только позднее (XVII в.) оно стало появляться и у глаголов, обозначающих перемещение тела из одной позиции в другую (*Verbs of physical movement*). В старославянском языке представлены только глаголы первого типа (*Bodily acts*), в то время как другие типы глаголов встречаются начиная с древнерусских памятников [подробнее см.: Nessel 2013: 146–156]. Автор заканчивает замечанием, что в последние годы в русском языке стала все ярче проявляться тенденция к образованию *ну*-глаголов с результативным значением от глаголов, обозначающих в основном поведение человека (так называемые *Behavior / Miscellaneous verbs*)⁴.

Другой вопрос, вызывающий разногласия у лингвистов, занимающихся семейфактивным способом действия в русском языке, касается статуса префикса *с-* с такой же, семейфактивной, функцией. Иными словами, вопрос состоит в том, являются ли, например, глаголы *сгруппить, сробеть, соригинальничать* алломорфами глаголов СВ, образованных посредством суффикса *ну-*. Исаченко, например, считает, что эти глаголы несут чисто семейфактивное значение точно так же, как *ну*-глаголы, несмотря на то, что лексические классы, к которым они принадлежат, отличаются от тех, которые порождают *ну*-глаголы [Исаченко 1960: 266].

Похожего мнения придерживаются Л. Янда и С. Дики [Dickey, Janda 2009], которые на основе морфологического, а также диахронического анализа считают *с-* и *-ну-* алломорфами, поскольку они обладают одинаковой функцией — образовывать семейфактивные глаголы. Дики, в частности, прибавляет, что в русском языке префикс *с-* приобрел семейфактивное значение в XVII–XVIII вв, после того как в русском языке префиксация стала главным формальным показателем перфективации, частично заменяя суффикс *ну-*, который постепенно утратил свою специфичность и стал «универсальным маркером» СВ.

Противоположное мнение выражает М. А. Шелякин, который считает нецелесообразным выводить семейфактивное значение за пределы мультипликативов, трактуя *с-* наравне с *ну-* [Шелякин 2007: 160–161]. Подобное мнение недавно высказала и Е. Горбова [2016].

Настоящей работой нам бы хотелось внести свой вклад в дискуссию о семантике и функции перфективирующего суффикса **пг-* в славянском языковом ареале. Мы будем исходить из результатов рассмотренных выше исследований,

³ Глаголы, обозначающие оптические действия, интересны тем, что являются неконтролируемыми — в отличие от предыдущих глаголов, для которых характерна контролируемость.

⁴ Автор включает также контролируемые глаголы, связанные с компьютером и вообще с кибернетическим пространством [Nessel 2013: 162].

проведенных в основном на материале русского языка, но имеющих теоретическое значение в применении к славянским языкам вообще. Данные результаты мы будем проверять на материале резьянского диалекта — лингвистического острова на периферии славянского ареала, в итальянской области Фриули, на границе со Словенией. Благодаря своей периферийной (и несколько изолированной) позиции этот диалект характеризуется разными архаическими чертами и тем самым представляет большой интерес для более полного определения свойств славянской категории глагольного вида [см.: Бенаккьо 2018; 2019].

Корпус, на котором будет проводиться анализ, составляет материал, собранный Х. Стэнвейком в городке Сан-Джорджо (резьянское наименование — *Била*) [см.: Steenwijk 1992: 237–338], и данные, полученные нами в результате опроса информантов из того же самого населенного пункта.

При анализе резьянских фактов мы будем трактовать отдельно случаи употребления суффикса *ni-* в бесприставочных (2.1) и приставочных (2.2) глаголах.

2. Суффикс *ni-* в резьянском диалекте

2.1. Суффикс *ni-* с бесприставочными глаголами

2.1.1. Бесприставочные глаголы с *ni-* в резьянском диалекте — это в основном глаголы, которые в классификации, приведенной выше, Плунгян называет «квантами», т. е. это семельфактивные глаголы, производные от мультипликативов:

kapat — *käpnut* ‘капать — капнуть’,
kīmat — *kymnut* ‘клониться (о голове, от усталости)’,
kīnkat — *kynknut* ‘лягать — лягнуть’, ‘пинать — пнуть’,
pījat — *pyhnut* ‘дуть — дунуть’,
pīkat — *pyknut* ‘клевать — клюнуть (о курице, птице)’,
pjūwat — *pjūwnut* ‘плевать — плюнуть’,
pyrdēt — *pyrdnut* ‘пердеть, –пернуть’,
rīgat — *rygnut* ‘рыгать — рыгнуть’,
stopat — *stopnut* ‘ступать — ступить’,
šlepat — *šlepnut* ‘шлепать — шлепнуть’,
švīgat — *švygnut* ‘стегать — стегнуть’,
trūšat — *trūšnut* ‘бодать — боднуть’.

Как можно увидеть, все эти глаголы образованы от бесприставочных форм НСВ, являющихся неопределёнными глаголами (действиями), обозначающими серии регулярно повторяющихся квантов. Форма СВ, образованная от этих глаголов, обозначает единичный квант, входящий в серию, и выражает не просто СВ, а семельфактивный способ действия. Это можно увидеть по следующим примерам, где употребление бесприставочной формы НСВ с функцией итеративности или процессуальности сопоставляется с *ni-*формой СВ, выражающей семельфактивную семантику:

- (1a) *Rubinët an kapjë* ‘Кран капает’.
 (1б) *Rubinët an jë kapal, ma dopo somö ga sjortali* ‘Кран капал, но мы его починили’.
 (1в) *To jë käpnulu. To lijë* ‘Закапал дождь. Идет дождь’.
 (2a) *To wžë pözdë. Mamö jtyt. Utrucy kïmajö* ‘Уже поздно. Пора идти. У детей голова клонится’.
 (2б) *Dëd an jë rüdi kïmal ta-prid tilivižjun* ‘У деда всегда клонилась голова перед телевизором’.
 (2в) *An je kymnul anu se zbüdil na din bot* ‘У него склонилась голова, и он проснулся’.
 (3a) *Stuj atent! Ni stuj se parbližnjit mäsa muć. Müš an kïnka* ‘Осторожно! Не подходи слишком близко. Осел лягается’.
 (3б) *Müş an jë rüdi kïnkal* ‘Осел всегда лягался’.
 (3в) *Nur müš an jë kynknul anu me wdaril le jzdë, ta-na lanito* ‘Однажды осел лягнул меня и попал мне в щеку’.

То же самое можно сказать о следующих примерах, где (транзитивный) глагол обозначает действие человека (‘пинать / пнуть’):

- (4a) *Wotrök an kïnka balun ta-na dwurü* ‘Ребенок пинает мяч во дворе’.
 (4б) *Wčera utrucy so kïnkali balun ta-na dwurü wsë pujütrë* ‘Вчера дети пинали мяч во дворе все утро’.
 (4в) *An jë kynknul balun anu jë scipil verin* ‘Он пнул мяч ногой и разбил стекло’.

Примеры а) и б) показывают употребление бесприставочных мультипликативных глаголов НСВ соответственно в презенсе (актуально-длительное значение) и в прошедшем времени (многократное или узуальное значение), в то время как в примерах в) глаголы СВ, образованные посредством суффикса *ni-*, обозначают реализацию одного из квантов деятельности.

Аналогичные примеры можно привести со всеми остальными глаголами.

Большинство из перечисленных выше глаголов встречается также в списках семьфактивных *nu-*глаголов, представленных в процитированных выше работах [Исаченко 1960; Nessel 2013], составленных соответственно на материале современного русского языка и старославянских и древнерусских памятников. Как и эти глаголы, приведенные нами резьянские глаголы также — с точки зрения лексической семантики — обозначают в основном конкретные физические действия — телесные движения человека или животного, чаще всего сопровождаемые звуками.

Исключение составляет только глагол *kapat* — *käpnut*, который выражает не телесное движение, а просто звук, регулярно повторяющийся через небольшие интервалы времени. Этот глагол также засвидетельствован (хотя весьма редко) в старославянском языке, см. *калати* — *кавѹти* [Nessel 2013: 132].

2.1.2. Среди резьянских бесприставочных глаголов с *ni-* нашлись только два глагола, принадлежащих к классу «событий» (по классификации Плунгяна), т. е. к классу глаголов, в которых суффикс *ni-* является показателем мгновенности:

bocat — *bocnut*⁵ ‘колоть — кольнуть; совать — сунуть’,
mičat — *muknut* ‘молчать — умолкнуть’.

Ср. следующие примеры:

- (5a) *Stuj atent! Jë din tyrn ki an boca* ‘Осторожно! Там колючка. Она колется’.
 (5б) *Jte tyrn an me bocnul* ‘Шип кольнул меня’.
 (6a) *An jë rüdi mučal ko rumunila njagä žanä* ‘Он всегда молчал, когда говорила его жена’.
 (6б) *Na jë vidala nu muknula* ‘Она увидела и замолкла’.

Легко убедиться в том, что в данных случаях *ni*-глаголы не выражают семельфактивный способ действия. Они скорее являются коррелятами СВ соответствующих бесприставочных глаголов, хотя характеризующий их прибавочный оттенок мгновенности не позволяет строго определять данные глаголы как видовые пары⁶.

2.1.3. Отдельно следует рассмотреть следующие глаголы, регулярно встречающиеся в резьянском диалекте и обозначающие в основном акустические явления, т.е. (контролируемые) действия, сопровождаемые звуками, чаще всего у животных. Характеристика этих глаголов состоит в том, что у них формы СВ образуются посредством циркумфикса *za-...ni-*, передающего «ослабленное» семельфактивное значение, в то время как «простые» формы с *ni-* (с чисто семельфактивным значением) практически не появляются⁷. Это можно увидеть по следующему списку⁸:

bawkat — *zabawknut* — [?]*bawknut* ‘гавкать — гавкнуть’,
blejat — *zablejnut* — [?]*blejnut* ‘блеять — проблеять’,
bükat — *zabüknut* — [?]*büknut* ‘мычать — промычать’,
lajat — *zalajnut* — [?]*lajnut* ‘лаять — пролаять’,
garmët — *zagyrmnut* — [?]*gyrmmut* ‘греметь — прогреметь’.

Можно сказать, что в приведенных выше глаголах циркумфиксная форма образует своего рода коррелят СВ бесприставочной формы НСВ, однако с дополнительным оттенком: называется действие, которое только что произошло (точнее, звук, который только что раздался). См. следующие примеры:

- (7a) *Pys jë bawkal wso nuć* ‘Собака гавкала всю ночь’.
 (7б) *Si čüla? Pys jë zabawknul* ‘Ты слышала? Собака гавкнула’.

⁵ Этимология этого глагола неясна.

⁶ О проблематичном статусе *nu*-глаголов, обозначающих «события» в русском языке, см. [Плунгян 2000: 219–220].

⁷ Некоторые информанты не исключают существование этих *ni*-форм, но считают их устаревшими.

⁸ Количество этих глаголов гораздо больше: такой циркумфикс является очень продуктивным со всеми глаголами, принадлежащими к вышеуказанному лексическому классу.

- (8а) *Kozä (na) jë blejala wso nuć* ‘Коза бляла всю ночь’.
(8б) *Si ćüla? Na jë zablejnula* ‘Ты слышала? Коза проблеяла’.
(9а) *Krawa na бүkala wso nuć* ‘Корова мычала всю ночь’.
(9б) *Si ćüla? Krawa na jë zabüknula* ‘Ты слышала? Корова только что промычала’.

2.2. Суффикс *ni-* с приставочными глаголами

В резьянском диалекте встречается также некоторое количество глаголов, образованных посредством суффикса *ni-* от приставочных глаголов. Это «комплетивы» по классификации Плунгяна.

Как было замечено в исследованиях по русскому языку, указанных в начале работы, в данном случае речь идет не о семельфактивах, а просто о парных перфективах, где *nu-* является просто морфологическим показателем СВ. Семантическая (семельфактивная) стертость комплетивов произошла под влиянием приставок, чаще всего у тех глаголов, у которых потерялось «осознание» (деривационной) связи *nu-*глагола с исходным глаголом.

То же самое можно сказать по поводу резьянского диалекта: у всех найденных в нашем корпусе комплетивов исходные, бесприставочные формы НСВ практически больше не употребляются или являются периферийными. См., например:

nagledat — *naglednut* ‘вдруг увидеть — заметить’,
splaknüwat — *spläknut (büle)* ‘полоскать — сполоснуть (белье)’,
wsanüwat — *wsanüt* ‘засыпать — заснуть, уснуть’,
wzdigüwat — *wzdygnut* ‘поднимать — поднять’.

3. Суффикс *ni-* и префикс *s-*

Как было сказано в начале статьи, другой вопрос, волнующий русских лингвистов, касается статуса префикса *s-*, который в русском языке в применении к определенным глаголам (правда, принадлежащим к другим лексическим классам по сравнению с теми, которые употребляются с суффиксом *nu-*) образует глаголы СВ, для которых характерно семельфактивное (или близкое к семельфактивному) значение.

В резьянском диалекте ситуация несколько иная. Если принимать во внимание проанализированные выше «кванты» (2.1.1), а также глаголы, прибегающие к циркумфиксу *za-...ni-* (2.1.3), легко убедиться, что практически у всех этих глаголов есть «вариант», образованный префиксом *s-*. Однако образованные посредством суффикса или префикса глагольные формы СВ не имеют такого же (семельфактивного) значения, и называть их алломорфами невозможно. По мнению информантов, эти формы различаются тем, что суффикс *ni-* всегда придает глаголу семельфактивное значение⁹, в то время как префикс *s-* скорее выражает чистовидовое

⁹ Правда, в случае употребления циркумфикса *za-...ni-* такое значение является ослабленным.

значение и обозначает действие, которое имело место не один раз, а несколько раз в короткий промежуток времени. В первом случае, как мы уже видели, речь идет о «семельфактивном» способе действия, во втором — о корреляте СВ, образующем пару с исходным, бесприставочным глаголом. См., например, следующие пары, образованные от тех же мультипликативов, от которых при помощи суффикса *nu-* образуются «кванты» (см. выше 2.1.1): *kapat* — *skapat*, *kinkat* — *skinkat*, *pijat* — *spijat*, *pikat* — *spikat*, *pjuwat* — *spjuwat*, *pyrdët* — *spyrdët*, *rigat* — *zrigat*, *trüšat* — *strüšat*.

Если привести примеры, в которых появляются формы СВ этих глаголов, образованные посредством префикса *s-*, и сравнить их с соответствующими примерами, проанализированными выше (где глаголы образованы с суффиксом *nu-*), то разница в значении двух аффиксов бросается в глаза: глаголы с префиксом *s-* выражают чистовидовое значение, в то время как глаголы с *nu-* всегда сохраняют свою семельфактивную семантику. Ср., например:

(10) *To jë skapalö* ‘Покапало’.

(11) *An jë skinkal balun, ma an se štufäl anu an šyl spet gledat tilivžjun* ‘Он попинал мяч, но ему надоело, и он пошел снова смотреть телевизор’.

Если сравнить эти примеры с примерами (1в) и (3в), становятся очевидными различные значения и функции двух аффиксов в резьянском диалекте. В (10) и (11) выражается недолго длившаяся, прекратившаяся деятельность, в то время как (1в) и (3в) выражают семельфактивное действие.

См. еще следующие примеры, первый их которых (12а) описывает семельфактивную ситуацию, а второй (12б) — ситуацию, являющуюся результатом действия, которое имело место не один, а несколько раз (точнее, не в одном, а в разных местах):

(12а) *Kača me jë pyknula* ‘Змея меня укусила’.

(12б) *Pukriwa mi jë spikala* ‘Крапива меня покусала’.

Как уже было сказано, аналогичные примеры можно привести и для других просмотренных выше *nu-*глаголов, обозначающих акустические явления (см. 2.1.3).

Заключение

В резьянском диалекте глаголы с *nu-*, имеющие семельфактивное значение, представлены только в тех лексических классах глаголов, которые Т. Нессет определяет как прототипические [Neset 2013]. Они свидетельствуют, возможно, об одинаковом историческом порядке распространения, в частности о первых его фазах.

То же самое можно сказать по поводу класса *nu-*глаголов, выделенных Плунгяном в русском языке: в резьянском представлены в основном кванты и, реже, комплективы. Так называемые события почти не встречаются, а свертки не представлены никак. Видимо, значение семельфактива как кванта оказывается основным, исходным.

Что касается предполагаемого слияния (отождествления) аффиксальных форм *ну-* и *с-* в русском языке, то это не подтверждается данными резьянского диалекта, для которого характерно регулярное распределение значений *s-* и *ни-*, легко признаваемое всеми информантами. Видимо, семельфактивная функция префикса *с-* (если можно назвать ее таковой) в русском языке вторична.

Еще одно интересное замечание: из всех способов действия, которые распространились в русском языке (а также — более или менее — в других славянских языках), в резьянском диалекте представлен практически только семельфактивный, суффиксальный способ действия.

Итак, как мы уже видели в предыдущих работах [Бенаккьо 2018; 2019], резьянский диалект благодаря своей периферийности (и некоторой изолированности), а также благодаря тому, что он представляет собой малонормированный языковой вариант, не основанный на авторитетной письменной традиции, может оказаться полезным для реконструкции процесса формирования славянской аспектуальности.

Литература

Бенаккьо Р. Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект // Славистика. 2018. №22 (1). С. 9–20.

Бенаккьо Р. Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида // *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani / ur. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular*. Ljubljana: Filozofska Fakulteta Univerze v Ljubljani, 2019. S. 271–283.

Горбова Е. Русские семельфактивы и непрототипическая алломорфия // *Russian Linguistics*. 2016. №40. P. 57–78.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М. : Языки русской культуры, 2000. 225 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Словацкая Академия наук, 1960. 577 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // *Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.

Мелиг Х. Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. О категории глагольного вида в русском языке // *Revue des études slaves*. 1994. №66 (3). S. 585–606.

Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Языки русской культуры, 1996. 465 с.

Плунгян В. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // *Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна / ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин*. М. : *Studia philologica*, 2000. С. 212–223.

РГ 1980 — Русская грамматика в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
Храковский 1989 — Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. 310 с.

Храковский В. С. Типология семельфактива // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / ред. М. Ю. Черткова. М.: Studia philologica, 1998. С. 485–490.

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: URSS, 2007. 272 с.

Dickey S. “Semelfactive” *-no-* and the Western Aspect Gestalt // Journal of Slavic linguistics. 2001. №9/1. P. 25–48.

Dickey S., Janda L. Хохотнул, схитрил: the relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // Russian Linguistics. 2009. №33. P. 229–248.

Makarova A., Janda L. A. Do it once: a case study of the Russian *-nu-* semelfactives // Scandoslavica. 2009. №55/1. P. 78–99.

Nesset T. The history of the Russian semelfactive: the development of a radial category // Journal of Slavic linguistics. 2013. №21 (1). P. 123–169.

Schuyt R. The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1990. 435 p.

Sokolova S. “Rabotnul na slavu — Gul’ni smelo!”. “Nu” as a universal aspectual marker in non-standard Russian // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития / ред. М. Kitajo. Kyoto : Университет Киото Сангё, 2015. С. 271–277.

Steenwijk H. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1992. 352 p.

Rosanna Benacchio

University of Padova

Department of Linguistic and Literary Studies

(Italy, Padova)

rosanna.benacchio@unipd.it

THE MEANINGS AND FUNCTIONS OF THE PERFECTIVIZING SUFFIX *NU-* IN THE RESIAN DIALECT (IN COMPARISON WITH RUSSIAN)

The article deals with the use of the perfectivizing suffix *nu-* in the Slovene dialect of Resia, which is spoken by a Slavic linguistic minority in North-Eastern Italy, at the border with Slovenia. In recent years, various scholars have written about this suffix in Russian (especially in the colloquial register), emphasizing its complex semantics, which reflects both the semelfactive and purely perfective meanings. We found similar features also in the Resian dialect. Here, too, the suffix *nu-* displays a complex semantics, designating both semelfactive (e.g. *pjüwat/pjüwnut* ‘to spit,’ *kapat/käpnut* ‘to drip’) and purely resultative meanings, especially in combination with the prefix *za-* (e.g. *garmët/*

zagyrnnut ‘to rattle,’ *lajat/zalajnut* ‘to bark’). Nevertheless, in the Resian dialect the suffix *nu-* is not spreading as a simple perfectivizing morpheme as it has in Russian, and its semelfactive function is more preserved. Under this analysis, the Resian dialect confirms once again its archaic character and its importance for the reconstruction of the process of grammaticalization of the Slavic verbal aspect.

Keywords: aspect, semelfactive actionsart, suffix *-nu-*, Resian, Russian.

References

Benakk'o R. [Integration of borrowed verbs into the Slavic aspectual system: Rezian dialect]. *Slavistika*, 2018, no. 22(1), pp. 9–20. (In Russ.)

Benakk'o R. [Rezian dialect and the grammaticalization of the Slavic aspectual system]. *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani* [Rajko Nahtigal and 100 years of Slavic Studies at the University of Ljubljana]. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular (Eds.). Ljubljana, Ljubljana Univ. Publ., 2019, pp. 271–283. (In Russ.)

Dickey S. “Semelfactive” *-no-* and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic linguistics*, 2001, no. 9/1, pp. 25–48.

Dickey S., Janda L. *Khokhotnul, skhitril*: the relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian. *Russian Linguistics*, 2009, no. 33, pp. 229–248.

Gorbova E. [Russian semelfactive verbs and non-prototypic allomorphy]. *Russian Linguistics*, 2016, no. 40, pp. 57–78. (In Russ.)

Isachenko A. V. *Grammaticheskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Ch. 2*. [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak. Morphology. Part 2]. Bratislava, Slovakian Academy of Sci. Publ., 1960. 577 p.

Khrakovskii V. S. (Ed.). *Tipologiya iterativnykh konstruktii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 310 p.

Khrakovskii V. S. [Typology of semelfactive]. *Tipologiya vida. Problemy, poiski, resheniya* [Typology of the verbal aspect. Problems, researches, solutions]. M. Yu. Chertkova (Ed.). Moscow, Studia philological Publ., 1998, pp. 485–490. (In Russ.)

Makarova A., Janda L. A. Do it once: a case study of the Russian *-nu-* semelfactives. *Scandoslavica*, 2009, no. 55/1, pp. 78–99.

Maslov Yu. S. [The role of so-called perfectivation and imperfectivation in the rise of the Slavic verbal aspect]. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 445–476. (In Russ.)

Melig Kh. R. [Homogeneity and heterogeneity in space and time. On the category of verbal aspect in Russian]. *Revue des études slaves*, 1994, no. 66(3), pp. 585–606. (In Russ.)
Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>

Neset T. The history of the Russian semelfactive: the development of a radial category. *Journal of Slavic linguistics*, 2013, no. 21(1), pp. 123–169.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic researches]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 465 p.

Plungyan V. ['Fast' in the grammar of Russian and other languages]. *Slovo v tekste i v slovare. Sb. statei k 70-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* [The word in the text and in the dictionary. For the 70th anniversary of Acad. Yu.D. Apresyan]. L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds.). Moscow, Studia philological Publ., 2000, pp. 212–223. (In Russ.)

Schuyt R. *The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1990. 435 p.

Shelyakin M. A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [Category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow, URSS Publ., 2007. 272 p.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vols. 1–2.

Sokolova S. "Rabotnul na slavu — Gul'ni smelo!". "Nu" as a universal aspectual marker in non-standard Russian. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya* [Aspectual semantic zone: typology of systems and diachronic development scenarios]. M. Kitajo (Ed.). Kyoto, Kioto Sange Univ. Publ., 2015, pp. 271–277.

Steenwijk H. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1992. 352 p.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 225 p.